

2. Екимов Б.П. Родительский дом. М.: Современник, 1988.

3. Кудряшова Р.И. Наименования ненасытного человека средствами донского диалекта // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2014. № 2. С. 106–110.

4. Кудряшова Р.И., Брысина Е.В., Супрун В.И. Б.П. Екимов и словарь донских говоров Волгоградской области // В пределах земли и неба: проза Б. Екимова: восприятие и осмысление. Волгоград: Издатель, 2013. С. 123–144.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ «Технология», 2006.

6. Прокофьева А.В. Текстообразующие функции фразеологического единиц в поэзии В.С. Высоцкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.

7. Русская диалектология / под ред. проф. Н.А. Мещерского. М.: Высш. шк., 1972.

8. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.

9. Супрун В.И., Брысина Е.В., Кудряшова Р.И. Донская казачья лингвокультура в произведениях Б.П. Екимова: к юбилею писателя // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. 2013. №6 (81). С. 79–85.

* * *

1. Ekimov B.P. Roditel'skaja subbota: Rasskazy raznyh let // Roman-gazeta. 2006. №15 (1525).

2. Ekimov B.P. Roditel'skij dom. M.: Sovremennik, 1988.

3. Kudrjashova R.I. Naimenovanija nenasytnogo cheloveka sredstvami donsogo dialekta // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. 2014. № 2. S. 106–110.

4. Kudrjashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I. B.P. Ekimov i slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti // V predelah zemli i neba: proza B. Ekimova: vosprijatie i osmyslenie. Volgograd: Izdatel', 2013. S. 123–144.

5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: IТИ «Tehnologija», 2006.

6. Prokof'eva A.V. Tekstobrazujushhie funkicii frazeologicheskikh edinic v poezii V.S. Vysockogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2002.

7. Russkaja dialektologija / pod red. prof. N.A. Meshcherskogo. M.: Vyssh. shk., 1972.

8. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / avt.-sost. R.I. Kudrjashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun; pod red. R.I. Kudrjashovoj. Izd. 2-e, pererab. i dop. Volgograd: Izdatel', 2011.

9. Suprun V.I., Brysina E.V., Kudrjashova R.I. Donskaja kazach'ja lingvokul'tura v proizvedenijah B.P. Ekimova: k jubileju pisatelya // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filol. nauki. 2013. №6 (81). S. 79–85.

Dialect vocabulary as a figurative means of the prose by B.P. Ekimov

The article deals with the categories of dialectisms used by B.P. Ekimov in his creative works. Their basic functions are determined; the notion "dialectological dominating unit" is introduced. The relations of the meaning features of the dialect units and the author's idea, their role in the verbal characteristics of personages are researched.

Key words: *dialect vocabulary, dialectism, dominating unit, semantics, phraseological unit.*

(Статья поступила в редакцию 10.10.2016)

А.А. БОРОВСКАЯ
(Астрахань)

АЛЛЮЗИВНАЯ СЕМАНТИКА ЗАГЛАВИЯ И ПРОБЛЕМЫ АВТОПЕРЕВОДА РАССКАЗА В. НАБОКОВА «АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ИГЛА»

Освещается проблема эквивалентности перевода заглавий в транслингвальной литературе. Объектом исследования является рассказ В. Набокова «Адмиралтейская игла». Центральный образ, вынесенный в заглавие, аккумулирует множество смысловых потенций, прежде всего, аллюзивного характера, которые находятся за границами герменевтического круга инационального читателя. Особый интерес представляет анализ семантических связей оригинального и переводного вариантов заглавия с авторской концепцией текста.

Ключевые слова: *аллюзия, жанр, автоперевод, трансформация, семантическая редуция, В. Набоков, заглавие.*

Перевод заглавия художественного произведения в течение последних десятилетий привлекает большое внимание исследователей, что обусловлено уникальным положением заглавия в тексте, его семантической сложностью и многообразием его функций. В этой связи особый интерес представляет творчество билингвальных писателей (В. Набоков,

Г. Газданов, И. Бродский, О. Грушин, Г. Штейнграб, М. Шишкин и др.), стремящихся к точному воспроизведению контекста, к передаче тончайших нюансов и интонаций текста оригинала. Важной для данного исследования является мысль Ю. Сорокина о переводе художественного текста. Он отмечает, что при этом «мы имеем дело не только с двуязычным переводом, но с “двукультурным”, интерпретативным переводом» [7, с. 18]. Транслингвальную литературу можно назвать «двукультурной интерпретативной литературой» [13, с. 5]. Авторы-билингвы в своих художественных произведениях формируют особую картину мира, сочетающую две контактирующие культуры: родную и инонациональную. С этой точки зрения автопереводы В. Набокова являются наиболее репрезентативными.

Переводческая деятельность В. Набокова – одна из актуальных проблем набоковедения, рассматривающего билингвальность писателя как успешную попытку творческой адаптации в инокультурной и иноязычной среде. Изучаются следующие аспекты этой проблемы: своеобразие билингвизма В. Набокова; теория перевода, созданная писателем, и ее эволюция; лингвистические приемы; возможные трансформации текста при переводе и их функции.

Поиски корреляций между русским и английским заглавными номинациями, а также соответствия их семантического радиуса идейно-эстетическому содержанию рассказов В. Набокова представлены несколькими типами взаимодействия оригинала и перевода.

Рассказ «Адмиралтейская игла» (1933) включен в сборник «Весна в Фиальте», вышедший в 1956 г. в Издательстве имени А. П. Чехова (Нью-Йорк). Перевод заглавия рассказа свидетельствует о некоторых семантических смещениях, сдвигах в структуре и смысловом потенциале его английского эквивалента, которые определяются тем фактом, что название является своего рода маркером первой – авторской – интерпретации художественного текста. Ярким доказательством последнего утверждения служит кропотливая работа В. Набокова над адекватностью перевода (что наиболее репрезентативно для единиц в сильных текстовых позициях, по-особому раскрывающих авторский замысел), о чем свидетельствует наличие промежуточных вариантов англоязычных аналогов.

В русском варианте заглавие рассказа аллюзивно маркировано и представляет собой так называемый прецедентизм – единицу художественной речи, организующую ассоци-

ативное поле игры со смыслами, источниками которой являются разные типы воспроизводимых устойчивых в коммуникации социокультурно значимых имен и высказываний. Не случайно В. Шкловский назвал «Адмиралтейскую иглу» «богиней цитат» [10, с. 42]. В качестве основного предтекста выступает поэма А. Пушкина «Медный всадник». В произведении поэта «Адмиралтейская игла» метонимически обозначает здание Санкт-Петербургского адмиралтейства, которое в сознании русскоязычного читателя является не только имиджевым архитектурным сооружением северной столицы, но и значимым компонентом «петербургского мифа» в русской литературе [9]. В эпистолярном рассказе В. Набокова «Адмиралтейской иглой» назван роман, написанный автором-эмигрантом, за мужским псевдонимом которого, по мнению адресанта-рассказчика, скрывается женщина. Итак, ключевой образ становится скорее знаком литературной традиции, нежели одноимённым топонимом, включающим в себя все имплицитные «географические» и «культурные» сигнатуры городского пространства. Подобные литературно-игровые стратегии актуализируют интертекстуальный фон рассказа, который восходит к поэзии и прозе начала XX в. Круг авторов, обращавшихся номинативно или перифрастически к этому «общему месту» «петербургского текста», чрезвычайно широк: Г. Иванов «Опять на площади дворцовый...», В. Каплан «Стансы», Н. Агнивцев «Странный город», Г. Блок «Одиночество», С. Городецкий «Петербургские видения», М. Кузмин «Утраченного чародейства...», П. Потемкин «На рассвете», Б. Лившиц «Адмиралтейство», В. Князев «Караул!», Э. Герман «Петербург» и др. В то же время цитатный, вторичный характер самого концепта, его повышенная репрезентативность в творчестве поэтов «второго ряда» свидетельствуют о некоторой клишированности образа, что в полной мере соответствует пародийному и ироничному модусам повествования в произведениях В. Набокова. Ключевое словосочетание, вынесенное в заглавие как пародируемого «бездарного романа», так и рассказа самого В. Набокова, будучи, как мы выяснили, растиражированным, превращается отчасти в «поэтический штамп» и соотносится с ироничным образом «культурного бо-монда», где «какие-то французские и английские стихи ходили в списках по рукам и списывались снова, не без искажений, причем имя автора незаметно выпадало, так что они совершенно случайно приобретали соблаз-

нительную анонимность...» [6, с. 414]. Реми-нисцентное название дамского романа в полной мере отражает эпигонство и графоманию той квазилитературы, принадлежность к которой «госпожи Сергея Солнцева» для автобиографического рассказчика не вызывает сомнения: «...Ваш роман “Адмиралтейская Игла”. Заглавие ладное. <...> Но вот это-то ладное заглавие и не предвещало ничего доброго» [Там же, с. 411]. В рассказе пародируются типичные черты массовой литературы: сентиментализм, мелодраматизм, излишняя патетика, «красивости», шаблонные образы, выражения. Автор заключает чужое слово в кавычки, чем подчеркивает его неприятие, подтвержденное комментарием: «Пристрастие к таким выражениям, как “время шло” или “зябко куталась в мамин платок”..., достаточно определяет степень вашей литературной опытности» [Там же]. По предположению М. Шраера, В. Набоков сочинил рассказ «Адмиралтейская игла» «в качестве полемического ответа русским и английским романистам» [11, с. 247]. М. Шраер указывает на имена И. Куниной, Е. Бакуниной, И. Одоевцевой, Дж. Остин, но на кого конкретно была направлена пародия, исследователь не уточняет. Представляется, что в этом и нет необходимости, ибо, по верному замечанию А. Млечко, «Набоков чаще всего имеет дело не с одним “чужим” текстом, а сразу с несколькими, объединенными определенной общностью – стилем, направлением, мировоззренческой установкой» [5, с. 82]. Таким образом, здесь «пародия выступает как форма оценки «чужого слова», как форма его критики» [Там же, с. 82], а в качестве «чужого слова» выступает целый ряд произведений, относящихся к беллетристике и массовой литературе, произведений, авторы которых лишены художественного вкуса и таланта.

Вместе с тем семантика самого слова «игла» ассоциируется с «уколом», «шпилькой», насмешкой, что напрямую связано с содержанием романа «писательницы», в котором «искусственная, подложная реальность» саркастически искажает «историю первой любви», вытесняет, «метафизически убивает реальность подлинную» [2, с. 45]. Герой «Адмиралтейской иглы» тоже частично в плену – фантомное пространство романа («чужой дом») захватило часть его жизненной истории и его образ и уродует их, подобно кривому зеркалу.

В то же время литературная цитата, находясь в сильной позиции, претерпевает качественные изменения: «чужое», «оговорен-

ное» слово оказывается вовлеченным в сферу авторского, но не утрачивает при этом метаповествовательного «следа», диалогического обертона. Заглавие рассказа В. Набокова объединяет интенциональность «своего» и «чужого», подобная смысловая двойственность, с одной стороны, способствует полной семантизации текста, с другой – дезориентирует читателя, который не может предпочесть какую-то одну интерпретацию. Такая игровая стихия набоковской прозы ведет к формированию «сотворческих» отношений между читателем и автором, сущность которых определил У. Эко: «Название должно запутывать мысли, а не дисциплинировать их» [12, с. 598].

В жанровом отношении рассказ аккумулирует признаки письма, исповеди и рецензии. Последняя форма активизирует метатекстовое начало и вводит тему мнимого, ложного и подлинного творчества. В этой связи уместно провести параллель с эссе-манифестом О. Мандельштама «Утро акмеизма» (симптоматично, что его перу принадлежит также известное стихотворение «Адмиралтейство», являющее собой образец развернутого архитектурного экфрасиса), где аналогичный образ «стрелы» метафорически уподобляется творческому дару, соответствующему созидательному пафосу, способному «уколоть небо, прекратить его тем, что оно пусто» [4, с. 6]. Об этой особенности заимствованного образа писал Р. Тименчик, по мнению которого адмиралтейская игла «символизировала победительный творческий, формообразующий порыв, преодолевающий косность, аморфность, морок болотных туманов» [8, с. 26]. В «Адмиралтейской игле» читатель-рассказчик, для того чтобы спасти искаженное прошлое, описанное его бывшей возлюбленной, писательницей, от литературно-идейных штампов, тщательно исправляет его. В конце рассказа перед нами появляется настоящий и новый роман (по мнению М. Маликовой, в рассказе «пошлости “дамского романа” противопоставляется воспоминание, интонированное в романском ключе») [3, с. 174]. Автор высказывает свое отношение к внутреннему, вторичному уже в рамках художественной реальности тексту, играя «на противопоставлении реального и условного» [Там же, с. 86]. Повествование организовано так, что одновременно перед читателем возникают два контрастных варианта рассказа об истории любовных отношений рассказчика и Кати, «из глупого кокетства написавшей совершенно бездарный роман». Впрочем, последнее неоднозначно, это лишь

предположение рассказчика, нашедшего в чужом романе «следы собственного прошлого». Вместе с этим автобиографический рассказчик выступает не только как герой, участник событий, оценивающий их с временной дистанции, он еще и критик, литературный рецензент. Характерные для прозы В. Набокова экскурсы в прошлое, разрыв линейности повествования ретроспективным изложением событий здесь дополняются литературной полемикой, противопоставлением двух образцов прозы.

Таким образом, в основе художественного произведения В. Набокова лежит сюжет-превращение: бульварного романа – в лирический рассказ-воспоминание о первой любви, пародии – в метаповествование, ироничного литературного отзыва – в аутентичную исповедь. В этом отношении актуальным представляется со-противопоставление источников цитации, формирующих рамочный компонент книги «писательницы» и текста В. Набокова, – поэма А.С. Пушкина, «петербургская» лирика первой трети XX в., превратившая метонимическую эмблему в поэтический трафарет, наконец, роман А. Белого «Петербург», первоначально названный «Адмиралтейской иглой». Последнее требует отдельного комментария. Говорить о наличии прямой связи рассказа с этой вершиной символистской прозы преждевременно, однако неоднозначное, противоречивое отношение писателя-эмигранта к поэту Серебряного века, выбор его в качестве прототипа одного из персонажей романа «Дар», близость и органичность мысли А. Белого о метафизической сущности художественных форм, о сверхъязыке искусства для эстетики В. Набокова, а также тот факт, что, по признанию последнего, А. Белый для него – единственный авторитет в метрике, – все это не исключает проведения подобных параллелей. В этом плане интерес представляет интерпретация заглавия рассказа с точки зрения проблемы «наведения прямых связей между смыслом и ритмом» [1, с. 469], которая, по справедливому замечанию М. Гаспарова, абсолютизировалась в стиховедческих работах А. Белого. В своем произведении В. Набоков иронично обыгрывает это увлечение ритмическими схемами: «Заглавие ладное хотя бы потому, что это четырехстопный ямба, не правда ли, – и притом знаменитый» [6, с. 411]. Паратекстуальный диалог рассказа «Адмиралтейская игла» с романом «Петербург» продуцирует некоторые особенности его поэтики: неопределенная модальность события («... может быть, Катя, все-таки, несмотря ни на что, произошло редкое совпадение,

и не ты писала эту гиль...» [Там же, с. 419]), принцип многократного наслоения реминисценций, самопародирование.

На английский язык В. Набоков переводит название рассказа как «The Admiralty Spire» («Адмиралтейский шпиль»), тем самым отсекая возможные тропические и мифологические смысловые напластования. В сознании инационального читателя, не владеющего культурным кодом, весь спектр литературных ассоциаций нивелируется. Многомерная, стереоскопическая (благодаря совмещению разных языковых проекций), модель интерпретации заголовочного комплекса в английской версии текста становится однолинейной. Подобный тип трансформации, основанный на семантической редукции, обусловлен трудностями восприятия и передачи аллюзивного образа, что объясняется различиями национально-культурного характера, а также невысокой степенью известности для носителя переводного языка источников цитации.

Таким образом, в процессе перевода В. Набоков использует приемы, рассчитанные на соответствие собственно языковых значений, и стратегии, ориентированные на текстовые функции языковых единиц. Вторые оказываются более предпочтительными в художественном переводе, который предполагает этап интерпретативного анализа, нацеленного на выявление всей совокупности смыслов, закодированных в той или иной языковой единице художественного текста.

Автопереводы ранних рассказов В. Набокова можно рассматривать как наиболее приближенный к идеалу процесс пересоздания оригинала на ином языке, т. к. сам автор оказывается и читателем текста, и его интерпретатором, он же стоит ближе к пониманию всей совокупности художественных смыслов, заложенных в произведении.

Список литературы

1. Гаспаров М.Л. Белый-стиховец и Белый-стихотворец // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988.
2. Лебедева В.Ю. Мотив метафизической смерти в рассказе В. Набокова «Адмиралтейская игла» // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 45–51.
3. Маликова М.Э. В. Набоков. Авто-биография. СПб., 2002.
4. Мандельштам О. Утро акмеизма // Мандельштам О. Избранное. Ростов н/Д., 1995. С. 5–7.
5. Млечко А.В. Игра, метатекст, трикстер: пародия в «русских» романах В.В. Набокова. Волгоград, 2000.

6. Набоков В. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1990. Т. 4.

7. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.

8. Тименчик Р. Д. Адмиралтейская игла // Русская речь. 1986. № 3. С. 23–28.

9. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы». Введение в тему // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области миопического. М., 1995. С. 259–367.

10. Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Воспоминание. 1918–1923. Л., 1924.

11. Шраер М.Д. Набоков: темы и вариации. СПб., 2000.

12. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». Заглавие и смысл. СПб., 2000. С. 597 – 623.

13. Юзefович Н. Инолингвокультурный субстрат в транслингвальной литературе: к постановке проблемы // Speech and Context. 2011. 2(III). С. 5–12.

* * *

1. Gasparov M.L. Belyj-stihoved i Belyj-stihotvorec // Andrej Belyj. Problemy tvorcestva. M., 1988.

2. Lebedeva V.Ju. Motiv metafizicheskoj smerti v rasskaze V. Nabokova «Admiraltejskaja igla» // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. № 6. S. 45–51.

3. Malikova M.Je. V. Nabokov. Avto-bio-grafija. SPb., 2002.

4. Mandel'shtam O. Utro akmeizma // Mandel'shtam O. Izbrannoe. Rostov n/D., 1995. S. 5–7.

5. Mlechko A.V. Igra, metatekst, trikster: parodija v «russkikh» romanah V.V. Nabokova. Volgograd, 2000.

6. Nabokov V. Sbranie sochinenij: v 4 t. M., 1990. Т. 4.

7. Sorokin Ju.A. Perevodovedenie: status perevodchika i psihogermenevticheskie procedury. M., 2003.

8. Timenchik R. D. Admiraltejskaja igla // Russkaja rech'. 1986. № 3. S. 23–28.

9. Toporov V.N. Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj literatury». Vvedenie v temu // Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovanija v oblasti miopicheskogo. M., 1995. S. 259–367.

10. Shklovskij V. Sentimental'noe puteshestvie. Vospominanie. 1918–1923. L., 1924.

11. Shraer M.D. Nabokov: temy i variacii. SPb., 2000.

12. Jeko U. Zаметки на poljah «Imeni rozy». Zaglavie i smysl. SPb., 2000. S. 597 – 623.

13. Juzefovich N. Inolingvokul'turnyj substrat v translingval'noj literature: k postanovke problemy // Speech and Context. 2011. 2(III). S. 5–12.

Allusive semantics of a title and the issue of autotranslation of the story “The Admiralty Spire” by V. Nabokov

The article deals with the issue of equivalence of translation of the title in the translingual literature. The story “The Admiralty Spire” by V. Nabokov is in the focus of research. The central image introduced in the title accumulates many sense potentials, first of all, of allusion character, that are not included into the hermeneutic circle of readers of other nations. The analysis of semantic relations of the original and translated variants of the title with the author’s conception of the text is of special interest.

Key words: *allusion, autotranslation, semantic reduction, V. Nabokov, title, genre.*

(Статья поступила в редакцию 09.09.2016)

М.А. ТКАЧЕВ
(Армавир)

**КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА
“TOWN” В ФИКЦИОНАЛЬНОМ
МИРЕ Р. БРЭДБЕРИ**

Исследуются концепты фикционального дискурса. Художественный текст рассматривается как сложный структурно-содержательный феномен, в который входят индивидуально-авторские концепты. Используются методы конкорданса, частотного словаря, техника кристаллизации смысла.

Ключевые слова: *дискурс, фикциональный дискурс, смысл, концепт, художественный концепт, кристаллизация.*

В современной лингвистике одним из наиболее перспективных направлений является теория дискурса. Вместе с описанием существенных характеристик дискурса как явления и его типологий (Алефиренко 2006 [1]; Демьянков 2007 [5]; Карасик 2007 [7], 2010 [8]; Серю 2001 [16]; Степанов 1995 [17]; Олянич 2007 [12]; Lemke 1995 [26]; Diamond 1996 [23]; van Dijk 1993 [24]; Chafe 1994 [22] и др.) проводятся многочисленные исследования отдельных типов дискурса (Лебхерц 2008 [9];